

В. А. ЖУКОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ**

В. А. ЖУКОВСКИЙ

ТОМ ПЯТЫЙ
ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
Москва 2010

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8
Ж 86

Томский государственный университет

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 08-04-16204

Жуковский В. А.

Ж 86 Полное собрание сочинений и писем: В двадцати томах / Ред. коллегия: И. А. Айзикова, Н. Ж. Ветшева, Э. М. Жилиякова, Ф. Э. Канунова, О. Б. Лебедева, А. В. Петров, И. А. Поплавская, Н. Б. Реморова, А. С. Янушкевич (гл. редактор). — Т. 5. Эпические стихотворения / Ред. А. С. Янушкевич. — М.: Языки славянских культур, 2010. — 432 с.

ISBN 978-5-9551-0398-3

Полное собрание сочинений В. А. Жуковского впервые в эдиционной практике представляет наследие великого русского поэта в максимально полном на сегодняшний день объеме. Тексты Жуковского даны на основе критического осмысления всех известных автографов поэта и прижизненных публикаций.

В 5-м томе опубликованы эпические опыты поэта 1817—1847 гг., которые он сам называл «Эпические стихотворения». Эпос народов мира: памятники древнерусской («Слово о полку Игореве») и античной культур (отрывки из «Метаморфоз» Овидия и «Энеиды» Вергилия), испанские романсы о Сиде, оригинальные переложения фрагментов из «Махабхараты» («Наль и Дамаянти») и «Шах-наме» («Рустем и Зораб») — получают в вольных переложениях Жуковского оригинальное звучание. Черновые наброски переводов из «Божественной комедии» Данте, «Потерянного рая» Мильтона, «Конрада Валленрода» Мицкевича завершают картину жанровых и метрических экспериментов поэта.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8

На фронтиспise:

В. А. Жуковский. Рисунок С. Ф. Дица (1839)

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0398-3

© А. С. Янушкевич, Редакция тома 5, 2010
© Языки славянских культур,
оригинал-макет, 2010

**ЭПИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Не прилично ли будет нам, братия,
Начать древним складом
Печальную повесть о битвах Игоря,
Игоря Святославича!

Начаться же сей песни
По былинам сего времени,
А не по вымыслам Бояновым.

Вещий Боян,
Если песнь кому сотворить хотел,

¹⁰ Растекался мыслию по древу,
Серым волком по земле,
Сизым орлом под облаками.

Вам памятно, как пели о бранях первых времен:
Тогда пускались десять соколов на стадо лебедей;
Чей сокол долетал, того и песнь прежде пелась:
Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу,
Сразившему Редю перед полками касожскими,
Красному ли Роману Святославичу.

²⁰ Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей пускал,
Он вещие персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали.

Начнем же, братия, повесть сию
От старого Владимира до нынешнего Игоря.

Натянул он ум свой крепостью,
Изострил он мужеством сердце,
Ратным духом исполнился

И навел храбрые полки свои
На землю Половецкую за землю Русскую.

³⁰ Тогда Игорь воззрел на светлое солнце,
Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых,
И рек Игорь дружине своей:

«Братия и дружина!

Лучше нам быть порубленным, чем дань в полон.
Сядем же, други, на борзых коней

Да посмотрим синего Дона!»
Вспала князю на ум охота,
А знаменье заступило ему желание
Отведать Дона великого.
«Хочу, — он рек, — преломить копье
40 На конце поля половецкого с вами, люди русские!
Хочу положить свою голову
Или выпить шеломом из Дона»
О Боян, соловей старого времени!
Как бы воспел ты битвы сии,
Скача соловьем по мысленну древу,
Взлетая умом под облаки,
Свивая все славы сего времени,
Рыща тропую Трояновой через поля на горы!
Тебе бы песнь гласить Игорю, он того Олега внуку:
50 Не буря соколов занесла чрез поля широкие —
Галки стадами бегут к Дону великому!
Тебе бы петь, вещий Боян, внук Велесов!
Ржут кони за Сулою,
Звенит слава в Киеве,
Трубы трубят в Новеграде,
Стоят знамена в Путивле,
Игорь ждет милого брата Всеволода.
И рек ему буй-тур Всеволод:
«Один мне брат, один свет светлый ты, Игорь!
60 Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат, борзых коней своих,
А мои тебе готовы,
Оседланы пред Курском.
Метки в стрельбе мои курыне,
Под трубами повиты,
Под шеломами взлелеяны,
Концом копья вскормлены,
Пути им все ведомы,
Овраги им знаемы,
70 Луки у них натянуты,
Тулы отворены,
Сабли отпущены,
Сами скачут, как серые волки в поле,

Ища себе чести, а князю славы».

Тогда вступил князь Игорь в златое стремя

И поехал по чистому полю.

Солнце дорогу ему тьмой заступило;

Ночь, грозою шума на него, птиц пробудила;

Рев в стадах звериных;

80 Див кличет на верху древа:

Велит прислушать земле неизвестной,

Волге, Поморию, и Посулию,

И Сурожу, и Корсуню,

И тебе, истукан тмутараканский!

И половцы неготовыми дорогами побежали к Дону великому.

Кричат в полночь телеги, словно распушенные лебеди.

Игорь ратных к Дону ведет!

Уже беда его птиц скликает,

И волки угрозою воют по оврагам,

90 Клетком орлы на кости зверей зовут,

Лисицы брешут на червлёные щиты...

О Русская земля! Уж ты за горами

Далеко!

Ночь меркнет,

Свет-заря запала,

Мгла поля покрыла,

Щекот соловьиный заснул,

Галичий говор затих.

Русские поле великое червлёными щитами прегородили,

100 Ища себе чести, а князю славы.

В пятницу на заре потоптали они нечестивые полки половецкие

И, рассеяв стрелами по полю, помчали красных дев половецких,

А с ними и злато, и паволоки, и драгие оксамиты,

Ортмами, епанчицами, и кожухами, и разными узорочьями половецкими

По болотам и грязным местам начали мосты мостить.

А стяг червлёный с белою хоругвию,

А челка червлёная с древком серебряным

Храброму Святославичу!

Дремлет в поле Олегово храброе гнездо —

110 Далеко залетело!

Не родилось оно на обиду

Ни соколу, ни кречету,

Ни тебе, черный ворон, неверный половчанин!
 Гзак бежит серым волком,
 А Кончак ему след прокладывает к Дону великому.
 И рано на другой день кровавые зори свет поведают;
 Черные тучи с моря идут,
 Хотят прикрыть четыре солнца,
 И в них трепещут синие молнии.
 120 Быть грому великому!
 Идти дождю стрелами с Дону великого!
 Тут-то коньям поломаться,
 Тут-то саблям притушиться
 О шелома половецкие,
 На реке на Каяле, у Дона великого!
 О Русская земля, далеко уж ты за горами!
 И ветры, Стрибоговы внуки,
 Веют с моря стрелами
 На храбрые полки Игоревы.
 130 Земля гремит,
 Реки текут мутно,
 Прахи поля покрывают,
 Стяги глаголют!
 Половцы идут от Дона, и от моря, и от всех сторон.
 Русские полки отступили.
 Бесовы дети кликом поля прегородили,
 А храбрые русские щитами червлеными.
 Ярый тур Всеволод!
 Стоишь на обороне,
 140 Прыщешь на ратных стрелами,
 Гремишь по шеломам мечом харалужным;
 Где ты, тур, ни проскачешь, шеломом златым посвечивая,
 Там лежат нечестивые головы половецкие,
 Порубленные калеными саблями шлемы аварские
 От тебя, ярый тур Всеволод!
 Какою раною подорожит он, братие,
 Он, позабывший о жизни и почестях,
 О граде Чернигове, златом престоле родительском,
 О свычае и обычае милой супруги своей Глебовны красная.
 150 Были веки Трояновы,
 Миновались лета Ярославовы;

Были битвы Олега,
 Олега Святославича.
 Тот Олег мечом крамолу ковал,
 И стрелы он по земле сеял.
 Ступал он в златое стремя в граде Тьмутаракане!
 Молву об нем слышал давний великий Ярослав, сын Всеволодов,
 А князь Владимир всякое утро уши затыкал в Чернигове.
 Бориса же Вячеславича слава на суд привела,
 160 И на конскую зеленую попону положили его
 За обиду Олега, храброго юного князя.
 С той же Каялы Святополк после сечи увел отца своего
 Между угорскою конницею ко святой Софии в Киев.
 Тогда при Олеге Гориславиче сеялось и выросло междуособием.
 Погибала жизнь Дажьбожиных внуков,
 Во крамолах княжеских век человеческий сокращался.
 Тогда по Русской земле редко оратаи распевали,
 Но часто граяли враны,
 Труны деля меж собою;
 170 А галки речь свою говорили:
 Хотим полететь на добычу.
 То было в тех сечах, в тех битвах,
 Но битвы такой и не слыхано!
 От утра до вечера,
 От вечера до света
 Летают стрелы каленые,
 Гремят мечи о шеломах,
 Трещат харалужные копья
 В поле неизвестном
 180 Среди земли Половецкия.
 Черна земля под копытами
 Костью была посеяна,
 Полита была кровию,
 И по Русской земле взошло бедой!..
 Что мне шумит,
 Что мне звенит
 Так задолго рано перед зарею?
 Игорь полки заворачивает:
 Жаль ему милого брата Всеволода.
 190 Билися день,

Бились другой,
 На третий день к полдню
 Пали знамена Игоревы!
 Тут разлучилися братья на бреге быстрой Каялы;
 Тут кровавого вина не достало;
 Тут пир dokonчили бесстрашные русские:
 Сватов попоили,
 А сами легли за Русскую землю!
 Поникает трава от жалости,
 200 А древо печалию
 К земле преклонилось.
 Уже невеселое, братья, время настало;
 Уже пустыня силу прикрыла!
 И встала обида в силах Дажьбожих внуков,
 Девой вступя на Троянову землю,
 Крыльями всплеснула лебедиными,
 На синем море у Дона плескаяся.
 Прошли времена, благоденствием обильные,
 Миновались брани князей на неверных.
 210 Брат сказал брату: то мое, а это мое же!
 И стали князья говорить про малое, как про великое,
 И сами на себя крамолу ковать,
 А неверные со всех сторон приходили с победами на Русскую землю!
 О! далеко залетел ты, сокол, сбивая птиц к морю!
 А храброму полку Игореву уже не воскреснуть!
 Вслед за ним крикнули Карна и Жля и по Русской земле поскакали,
 Мча разорение в пламенном роге!
 Жены русские всплакали, приговаривая:
 220 «Уж нам своих милых лад
 Ни мыслию смыслить,
 Ни думою сдумать,
 Ни очами сглядеть,
 А злата-серебра много утрачено!»
 И застонал, друзья, Киев печалию,
 Чернигов напастию,
 Тоска разлилась по Русской земле,
 Обильна печаль потекла среди земли Русския.
 Князи сами на себя крамолу ковали,
 А неверные сами с победами набегали на Русскую землю,

230 Дань собирая по белке с двора.
 Так-то сии два храбрые Святославича,
 Игорь и Всеволод, раздор пробудили,
 Едва усыпил его мощный отец их,
 Святослав грозный, великий князь киевский,
 Гроза был Святослав!
 Притрепетал он врагов своими сильными битвами
 И мечами булатными;
 Наступил он на землю Половецкую,
 Притоптал холмы и овраги,
 240 Возмутил озера и реки,
 Исушил потоки, болота;
 А Кобяка неверного из луки моря,
 От железных великих полков половецких
 Вырвал, как вихорь!
 И Кобяк очутился в городе Киеве,
 В гриднице Святославовой.
 Немцы и венеды,
 Греки и моравы
 Славу поют Святославу,
 250 Кают Игоря-князя,
 Погрузившего силу на дне Каялы, реки половецкия,
 Насышая ее золотом русским.
 Там Игорь-князь из златого седла пересел на седло отрока;
 Уняли в градах забралы,
 И веселие поникло.
 И Святославу смутный сон привиделся:
 «В Киеве на горах в ночь сию с вечера
 Одевали меня, — рек он, — черным покровом на кровати тесовой;
 Черпали мне синее вино, с горечью смешанное;
 260 Сыпали мне пустыми колчанами
 Жемчуг великой в нечистых раковинах на лоно
 И меня нежили.
 А кровля без князя была на тереме моем златоверхом.
 И с вечера целую ночь граяли враны зловещие,
 Слетевшись на выгон в дебри Кисановой...
 Уж не послать ли мне к синему морю?»
 И бояре князю в ответ рекли:
 «Печаль нам, князь, умы полонила;

Слетели два сокола с золотого престола отцовского,
 270 Поискать города Тмутараканя
 Или выпить шеломом из Дона.
 Уж соколам и крылья неверных саблями подрублены,
 Сами ж запутаны в железных опутинах.
 В третий день тьма наступила.
 Два солнца померкли,
 Два багряных столпа угасли,
 А с ними и два молодые месяца, Олег и Святослав,
 Тьмою подернулись.
 На реке на Каяле свет темнотою покрылся.
 280 Гнездом леопардов простерлись половцы по Русской земле
 И в море ее погрузили,
 И в хана вселилось буйство великое.
 Нашла хула на хвалу,
 Неволя грянула на волю,
 Вергнулся Див на землю!
 Вот уж и готские красные девы
 Вспели на бреге синего моря;
 Звоня золотом русским,
 Поют они время Бусово,
 290 Величают мечь Шаруканову.
 А наши дружины гладны веселием!»
 Тогда изронил Святослав великий слово златое, со слезами смешанное:
 «О сыновья мои, Игорь и Всеволод!
 Рано вы стали мечами разить Половецкую землю,
 А себе искать славы!
 Не с честью вы победили,
 С нечестием пролили кровь неверную!
 Ваше храброе сердце в жестоком булате заковано
 И в буйстве закалено!
 300 То ль сотворили вы моей серебряной седине!
 Уже не вижу могущества моего сильного, богатого,
 многовойного брата Ярослава
 С его черниговскими племенами,
 С монгутами, татранами и шелбирами,
 С топчаками, ревугами и олберами!
 Они без щитов с кинжалами засапожными
 Кликом полки побеждали,

Звения славою прадедов.
 Вы же рекли: «Мы одни постоим за себя,
 Славу передню сами похитим,
 310 Заднюю славу сами поделим!»
 И не диво бы, братья, старому стать молодым.
 Сокол ученый
 Птиц высоко взбивает,
 Не даст он в обиду гнезда своего!
 Но горе, горе! Князья мне не в помощь!
 Времена обратились на низкое!
 Вот и у Ромея кричат под саблями половецкими,
 А князь Владимир под ранами.
 320 Горе и беда сыну Глебову!
 Где ж ты, великий князь Всеволод?
 Иль не помыслишь прилететь издалече, отцовский
 златой престол защитить?
 Силен ты веслами Волгу разбрызгать,
 А Дон шеломами вычерпать,
 Будь ты с нами, и была бы дева по ногате,
 А отрок по резане.
 Ты же по суху можешь
 Стрелять живыми шереширами с чадами Глеба удалыми;
 А вы, бесстрашные Рюрик с Давыдом,
 Не ваши ль позлащенные шеломы в крови плавали?
 330 Не ваша ль храбрая дружина рыкает,
 Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле неизвестном?
 Вступите, вступите в стремя златое
 За честь сего времени, за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 Ты, галицкий князь Осьмомысл Ярослав,
 Высоко ты сидишь на престоле своем златокованом,
 Подпер Угрские горы полками железными,
 Заступил ты путь королю,
 Затворил Дунаю ворота,
 340 Бремена через облаки мечешь,
 Рядишь суды до Дуная,
 И угроза твоя по землям течет,
 Ворота отворяешь к Киеву,

Стреляешь в султанов с золотого престола отцовского через дальние земли.
 Стрелей же, князь, в Кончака, неверного кощея, за Русскую землю,
 За раны Игоря, буйного Святославича!
 А ты, Мстислав, и ты, смелый Роман!
 Храбрая мысль носит вас на подвиги,
 Высоко возлетаете вы на дело отважное,
 350 Словно как сокол на ветрах ширяется,
 Птиц одолеть замышляя в отважности!
 Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири!
 Дрогнули от них земля и многие области хановы,
 Литва, деремела, ятвяги,
 И половцы, копьа свои повергнув,
 Главы подклонили
 Под ваши мечи харалужные.
 Но уже для Игоря-князя солнце свет свой утратило
 И древо свой лист не добром сронило;
 360 По Роси, по Суле грады поделены,
 А храброму полку Игоря уже не воскреснуть!
 Дон тебя, князя, кличет,
 Дон зовет князей на победу!
 Ольговичи, храбрые князи, доспели на бой.
 Вы же, Ингвар, и Всеволод, и все три Мстиславича,
 Не худого гнезда шестокрильцы,
 Не по жеребью ли победы власть себе вы похитили?
 На что вам златые шеломы,
 Ваши польские копя, щиты?
 370 Заградите в поле врата своими острыми стрелами
 За землю Русскую, за раны Игоря, смелого Святославича!
 Не течет уже Сула струею серебряной
 Ко граду Переяславию;
 Уж и Двина болотом течет
 К оным грозным полочанам под кликом неверных.
 Один Изяслав, сын Васильков,
 Позвенел своими острыми мечами о племы литовские,
 Утратил он славу деда своего Всеслава,
 Под червленными щитами на кровавой траве
 380 Положен мечами литовскими,
 И на сем одре возгласил он:
 «Дружину твою, князь Изяслав,

Крылья птиц приодели,
 И звери кровь полизали!»
 Не было тут брата Брячислава, ни другого — Всеволода.
 Один изронил ты жемчужную душу
 Из храброго тела
 Через золотое ожерелье!
 390   Голоса приуныли,
       Поникло веселье,
 Трубят городенские трубы.
 И ты, Ярослав, и вы, внуки Всеслава,
 Пришлось преклонить вам стяги свои,
 Пришлось вам в ножны вонзить мечи поврежденные!
 Отскочили вы от дедовской славы,
 Навели нечестивых крамолами
 На Русскую землю, на жизнь Всеславу!
 О, какое ж бывало вам прежде насилие от земли Половецкия!
 400   На седьмом веке Трояновом
       Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой.
 Он, подпершись клюками, сел на коня,
 Поскакал ко граду Киеву
 И коснулся древком копья до золотого престола Киевского.
 Лютым зверем в полночь поскакал он из Белграда,
 Синею мглою обвешенный,
 К утру ж, вонзивши стригузы, раздвинул врата Новугороду,
 Славу расшиб Ярославову,
 Волком помчался с Дудуток к Немизе.
 410   На Немизе стелют снопы головами,
       Молотят цепями булатными,
       Жизнь на току кладут,
       Веют душу от тела.
 Кровавые бреги Немизы не добром были посеяны,
 Посеяны костями русских сынов.
 Князь Всеслав людей судил,
 Князьям он рядил города,
 А сам в ночи волком рыскал;
 До петухов он из Киева успевал к Тьмутаракани,
 К Херсоню великому волком он путь перерывкивал.
 420   Ему в Полоцке рано к заутрене зазвонили
       В колокола у святых Софии,